К89
262

С. Г. ВИЛИНСКІЙ.

К89 262

КЪ ВОПРОСУ

о постановкѣ преподаванія русскаго языка въ VIII классѣ женскихъ гимназій.

(По поводу учебника Е. С. Истриной: „Руководство по исторіи русскаго языка“).

ОДЕССА.
Тип. «Техникъ», Екатерининская, 58.
1916.

К89
262

С. Г. ВИЛИНСКІЙ.

КЪ ВОПРОСУ

о постановкѣ преподаванія русскаго языка въ VIII классѣ женскихъ гимназій.

(По поводу учебника Е. С. Истриной: „Руководство по исторіи русскаго языка“).

704

ОДЕССА.
Типографія „Техникъ“, Екатерининская, 58.
1915.

Печатано по постановленію Правленія Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ.

Предсѣдатель Общества *С. Г. Вилинскій.*

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

1068540

Къ вопросу о постановкѣ преподаванія русскаго языка въ VIII классѣ женскихъ гимназій

(по поводу учебника Е. С. Истриной: „Руководство по исторіи русскаго языка").

С. Г. Вилинскаго.

Въ настоящее время, когда Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія поставленъ на очередь вопросъ о реформѣ средней школы и когда уже даже началось обсужденіе проэкта реформы средней мужской школы,—вполнѣ своевременно напомнить и о нуждахъ средней женской школы. Дѣло въ томъ, что изданное свыше 40 лѣтъ тому назадъ Положеніе о женскихъ гимназіяхъ и особенно учебные планы этихъ гимназій давно уже нуждаются въ большей приспособленности ихъ къ нуждамъ школы и къ возникающимъ въ школьной практикѣ запросамъ. Общее указаніе на то, что во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ или въ случаяхъ, гдѣ нѣтъ прямыхъ указаній по женскимъ гимназіямъ,—слѣдуетъ руководиться соотвѣтствующими указаніями по мужскимъ гимназіямъ,—далеко не всегда примѣнимо на практикѣ; жизнь женскихъ гимназій часто выдвигаетъ такіе казусы, гдѣ не помогутъ правила, дѣйствующія въ мужскихъ гимназіяхъ,—и потому, что не всякій казусъ можно подогнать подъ правило или циркуляръ по мужскимъ гимназіямъ, и потому, что, кромѣ формальныхъ требованій, есть требованія еще и педагогическаго долга, есть велѣнія совѣсти педагога, которая не даетъ ему возможности успокоиться на одномъ только соблюденіи внѣшнихъ требованій закона, а влечетъ и къ тому, чтобы образовательное и воспитательное воздѣйствіе школы было таковымъ не по имени только, а и на дѣлѣ также.

Однимъ изъ такихъ острыхъ и даже казусныхъ вопросовъ слѣдуетъ признать и вопросъ о курсѣ VIII класса женскихъ гимназій: слѣдуетъ ли этотъ курсъ считать продолженіемъ курса VII класса или самостоятельнымъ курсомъ? слѣдуетъ ли разрѣшать ученицамъ спеціализацію въ нѣсколькихъ предметахъ? достаточно ли одного года или же слѣдуетъ курсъ сдѣлать двухгодичнымъ? для какихъ учебныхъ заведеній долженъ VIII классъ готовить учительницъ,—для младшихъ ли классовъ гимназій или, съ увеличеніемъ числа высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній, младшіе классы могутъ уже обслуживаться учительницами съ высшимъ образованіемъ, а VIII-ые классы женскихъ гимназій должны подготовлять учительницъ лишь для низшихъ школъ, дабы улучшить и поднять постановку учебнаго дѣла въ школахъ этого типа? Подобныхъ вопросовъ, частью обсуждавшихся въ педагогической литературѣ, частью волнующихъ педагоговъ-практиковъ, но еще не трактовавшихся въ печати, связано съ VIII классомъ не мало. Я намѣренъ коснуться одного изъ нихъ—вопроса о постановкѣ преподаванія русскаго языка въ VIII классѣ женскихъ гимназій, точнѣе—спеціальнаго курса русскаго языка, прямо предназначеннаго для подготовки будущихъ учительницъ этого предмета.

Съ формальной стороны дѣло обстоитъ такъ: учебнымъ планомъ отводится на преподаваніе русскаго языка 4 урока въ недѣлю, изъ которыхъ 2 часа посвящаются методикѣ начальнаго преподаванія русскаго языка и практическимъ занятіямъ (пробнымъ урокамъ); эти два часа обязательны для всѣхъ ученицъ VIII класса безъ различія спеціальностей; для ученицъ же, спеціально изучающихъ русскій языкъ, остаются другіе два часа, отводимые на спеціальный курсъ. Будущая учительница русскаго языка, такимъ образомъ, получаетъ методическую подготовку, общую съ учительницами другихъ спеціальностей, а подготовку по своему предмету—на урокахъ спеціальнаго курса. Но вотъ тутъ-то и начинается затрудненіе: что проходить на урокахъ спеціальнаго курса?

Учебный планъ именуетъ этотъ спеціальный курсъ предметомъ *русскаго языка и словесности*. Съ другой стороны, экзаменныя требованія, составленныя примѣнительно къ

испытаніямъ на званіе уѣзднаго учителя или учительницы, опредѣляютъ содержаніе испытанія въ видѣ *двухъ* письменныхъ отвѣтовъ (по грамматикѣ и по исторіи литературы) и послѣдующаго colloquium'a. Слѣдовательно, спеціальный курсъ русскаго языка есть собственно курсъ двухъ предметовъ—грамматики и словесности. Иначе, правду говоря, и быть бы не могло, ибо, съ одной стороны, будущая учительница должна хорошо знать тотъ предметъ (грамматику), который ей придется преподавать впослѣдствіи, съ другой,—она должна дополнить свое образованіе знакомствомъ съ важнѣйшими писателями нашей литературы послѣ Гоголя, ибо что же это за учительница русскаго языка, которой незнакомы хотя бы крупнѣйшіе представители родной литературы? Надо сказать, что, сколько приходилось слышать отъ педагоговъ разныхъ городовъ Россіи, вопросъ о томъ, чему отдать перевѣсъ—грамматикѣ или литературѣ,—въ разныхъ учебныхъ округахъ и даже въ разныхъ гимназіяхъ одного и того же округа рѣшается различно: одни „налегаютъ“ на грамматику, другіе—на исторію литературы.

Учебный планъ VIII класса здѣсь не много помогаетъ, ибо не даетъ никакихъ указаній относительно того, что́ и какъ проходить изъ исторіи литературы; о преподаваніи же грамматики даны нѣкоторыя указанія: „по каждому изъ остальныхъ (то есть спеціальныхъ) вышеозначенныхъ предметовъ ученицы разучиваютъ, подъ руководствомъ учителя, какъ означено въ пунктѣ *a*[1], по два учебника, въ объемѣ курса гимназій М. Н. Пр., при чемъ преподаватель объясняетъ методическое значеніе разучиваемыхъ учебниковъ и задаетъ ученицамъ изъ разученныхъ отдѣловъ темы для письменныхъ работъ. Такъ, напр., по русскому языку полезно разучить учебникъ грамматики Буслаева въ связи съ грамматикой ц.-слав. языка и еще другой учебникъ, и т. д.“

Но, мнѣ кажется, необходимо признать, что одно лишь разучиваніе учебниковъ весьма недостаточно: оно приведетъ

---

[1] „... При этомъ учитель въ своихъ объясненіяхъ слѣдуетъ принятому въ женскихъ гимназіяхъ элементарному учебнику грамматики (напр., Поливанова или Кирпичникова), который ученицы должны знать во всѣхъ подробностяхъ“.

къ тому, что у преподавательницы не будетъ мало-мальски (не говорю уже—научнаго) серьезнаго *пониманія* явленій языка; преподавательница, можетъ быть, будетъ очень хорошо знать грамматику, но формы языка будутъ представляться ей все же только въ догматическомъ освѣщеніи учебниковъ, а не въ видѣ стройной системы закономѣрныхъ явленій: она будетъ знать, *какъ* слѣдуетъ сказать или написать, но *почему* такъ, а не иначе,—этому ей не научиться изъ элементарныхъ учебниковъ, и во многихъ случаяхъ она окажется безпомощной, гдѣ дѣло лишь коснется объясненія явленій[1]. Ясное дѣло, что для осуществленія задачи преподаванія русскаго языка въ VIII классѣ рамки учебнаго плана тѣсноваты: если наша задача—выпустить хорошо подготовленныхъ учительницъ, то надо разсмотрѣть условія, при которыхъ это возможно сдѣлать, и, сколько осуществимо, —расширить эту возможность.

Условій этихъ, собственно говоря, не такъ-то много: учащіяся, условія преподаванія внѣшнія (число недѣльныхъ уроковъ) и внутреннія (объемъ курса и соотвѣтствіе его духовнымъ силамъ учащихся).

Что касается *учащихся*, то съ этой стороны дѣло обстоитъ далеко не блестяще и условія для преподаванія далеко не благопріятны. Начать хотя бы съ того, что въ то время, какъ молодые люди, оканчивающіе курсъ мужскихъ гимназій, выходятъ изъ школы въ возрастѣ 18—20 (и старше)

---

[1] Мнѣ, къ сожалѣнію, извѣстно не мало случаевъ, гдѣ недостатокъ научной подготовки учительницъ русскаго языка принималъ даже уродливыя формы; напр., одинъ изъ моихъ товарищей-профессоровъ, состоящій предсѣдателемъ педагогическаго совѣта въ женской гимназіи, разсказалъ мнѣ слѣдующій инцидентъ: ученица написала—*низкій*, учительница исправила—*нискій;* на замѣчаніе предсѣдателя, просматривавшаго тетради, что исправленіе сдѣлано ошибочно, учительница не безъ лукавства отвѣтила: „видно, профессоръ, что Ваша спеціальность не русскій языкъ, иначе Вы бы знали, что *воз-, из-, низ-, раз-* предъ *к, п, т, х* и т. д. мѣняютъ *з* на *с*“. Не мало подобныхъ случаевъ невѣжества преподавательницъ обнаружено въ отчетѣ г. Егурнова о письменномъ испытаніи ученицъ VII кл. гимназій Одесскаго Учебнаго Округа за 1914 г.: достаточно упомянуть, что есть учительницы, для которыхъ ошибки въ пунктуаціи не имѣютъ никакого значенія хотя бы ученица отдѣляла запятою подлежащее отъ сказуемаго.

лѣтъ, дѣвушки оканчиваютъ на годъ раньше—въ возрастѣ отъ 16 до 19 лѣтъ, а это обстоятельство, при болѣе слабомъ развитіи ихъ организма, не маловажно, ибо для мало-мальски труднаго курса нужны и физическія силы въ значительномъ количествѣ: курсъ же VIII класса едва ли можно признать особенно легкимъ.

Далѣе, опытъ показываетъ, что къ VIII-му классу ученицы обыкновенно весьма основательно забываютъ все пройденное въ младшихъ классахъ. Ежегодно, съ первыхъ же уроковъ въ VIII классѣ, ведя занятія съ спеціалистками, я въ концѣ каждаго урока (все равно—грамматика то или словесность) отвожу 10—15 минутъ на самый обыкновенный грамматическій разборъ: спеціалистки по очереди припоминаютъ (точнѣе—учатся вновь), какъ слѣдуетъ разбирать, и попутно повторяютъ едва ли не всѣ важнѣйшія правила этимологіи и синтаксиса; занятіе это веду чрезъ весь годъ, постоянно только углубляя разборъ и расширяя сообразно проходимому курсу грамматики. Мой опытъ убѣдилъ меня, что къ VIII классу большинство ученицъ такъ основательно забываетъ курсъ грамматики, что иныя даже не могутъ указать въ предложеніи, гдѣ подлежащее и гдѣ сказуемое; исключеніе составляютъ, конечно, тѣ немногія ученицы, которыя даютъ частные уроки, находясь въ старшихъ классахъ гимназіи; другія, проходя въ V—VII кл. курсъ теоріи и исторіи словесности, такъ мало имѣютъ возможность подновлять свѣдѣнія по грамматикѣ, что не мудрено, если забываютъ пройденныя когда-то правила.

Къ этому надо добавить, что вообще къ лингвистическимъ занятіямъ, которыя неизбѣжны въ VIII классѣ, ученицы мало подготовлены: древнихъ языковъ въ женскихъ гимназіяхъ не изучаютъ, новые—не обязательны и многими также не изучаются, а церковно славянскій языкъ въ „попутномъ“ изложеніи проходится въ такихъ микроскопическихъ доляхъ, что въ большинствѣ гимназій ученицы даже читаютъ на этомъ языкѣ съ трудомъ: гдѣ уже тутъ пользоваться имъ для цѣлей усвоенія русской грамматики?

Не могу умолчать и о томъ нелѣпомъ предразсудкѣ, который весьма распространенъ среди гимназистокъ, по крайней мѣрѣ, у насъ, въ Одессѣ,—будто въ VIII классѣ

учиться легко Предразсудокъ этотъ основанъ, повидимому, на томъ, что въ VIII классѣ, гдѣ воспитанницамъ часто поручаютъ замѣнять учительницу или классную надзирательницу въ младшихъ классахъ, ученицы чувствуютъ себя какъ бы существами особаго порядка, не обыкновенными ученицами одного изъ семи классовъ, а старшими, для которыхъ даже дисциплина можетъ быть ослаблена; а если не ослабляетъ дисциплины гимназія, то начинаютъ ослаблять ее сами ученицы VIII класса, опаздывая на уроки, неаккуратно посѣщая гимназію и т. п.; сравнительно небольшое число обязательныхъ уроковъ и довольно значительное количество „пустыхъ“ часовъ также развиваетъ убѣжденіе, что „въ VIII классѣ легко“. Правда, въ первый же мѣсяцъ уже оказывается, что и дисциплина для ученицъ VIII класса обязательна, какъ и для всѣхъ, и небольшое число обязательныхъ уроковъ содержитъ много нелегкаго матеріала и серьезной работы, и „пустые“ часы вовсе не „пусты“, ибо надо въ эти часы или посѣщать образцовые уроки въ младшихъ классахъ, или замѣнять классную надзирательницу, или вести педагогическія наблюденія, необходимыя для составленія дневника. Пока ученица придетъ къ сознанію, что въ VIII классѣ не такъ то легко,—ушло уже больше мѣсяца, и это время для регулярныхъ занятій потеряно. Поэтому я, въ своей практикѣ, съ перваго же урока стараюсь внушить ученицамъ убѣжденіе, что въ VIII классѣ вовсе не легко и что, наоборотъ, весьма отвѣтственный и сложный трудъ учительницы требуетъ весьма серьезной и основательной подготовки.

Наконецъ, отмѣчу и то, что среди ученицъ VIII класса далеко не всѣ (а скорѣе меньшинство) предназначаютъ себя къ педагогической дѣятельности. Какъ часто при объясненіяхъ съ родителями по поводу небрежности или малоуспѣшности ученицъ мнѣ приходилось слышать фразу: „помилуйте, моя дочь не будетъ учительницею“, а далѣе слѣдовало объясненіе, напр.: „мы—люди со средствами“, или: „она поступитъ въ контору“, или: „моя дочь пойдетъ на курсы“ и т. д. вплоть до того, что одна маменька мнѣ прямо заявила: „моя дочь легче найдетъ себѣ жениха: вѣдь восемь классовъ это не семь, а если у нея два диплома

(т. е. аттестатъ за VII кл. и свидѣтельство за VIII кл.), такъ я ее выдамъ не за провизора, а прямо таки за доктора"! Если такъ смотрятъ сами родители, то что говорить о дочеряхъ: тѣ, которыя не собираются быть учительницами, доказываютъ это на дѣлѣ, небрежно относясь къ занятіямъ и считая, что и безъ особаго прилежанія удастся получить учительскій дипломъ, а если не удастся, то и это не большая бѣда. На ряду съ странными [1] объясненіеми того, почему родители не особенно заботятся о томъ, чтобы ихъ дочери были прилежны въ VIII классѣ, въ послѣдніе годы все чаще слышится одинъ болѣе серьезный мотивъ: нѣкоторые родители видятъ въ VIII классѣ не годъ педагогической подготовки своихъ дочерей, а годъ болѣе трудной и болѣе планомѣрной работы, которая, по ихъ мнѣнію, необходима для того, чтобы подготовить дѣвушекъ къ еще болѣе трудному занятію—работѣ на высшихъ женскихъ курсахъ. Конечно, похвально стремленіе родителей подготовить будущихъ курсистокъ болѣе основательно къ работѣ, чѣмъ могутъ подготовить семь классовъ гимназіи, но и тутъ прямое значеніе VIII класса отходитъ въ сторону; а такъ какъ обыкновенно родители своихъ взглядовъ не скрываютъ отъ дѣтей, то и у ученицъ нерѣдко можно встрѣтить взглядъ на свое пребываніе въ VIII классѣ, какъ на нѣчто промежуточное или не особенно нужное и т. п., а такой взглядъ, конечно, усердія не прибавитъ. Повторяю, контингентъ желающихъ получить педагогическую подготовку для того, чтобы заняться педагогическою же дѣятельностью, уменьшается ежегодно и можетъ теперь считаться въ меньшинствѣ.

Если учащіяся не создаютъ особенно благопріятныхъ условій для преподаванія,—это значительный тормазъ въ веденіи дѣла; другой тормазъ—*внѣшнія условія преподаванія*, подъ которыми я разумѣю главнымъ образомъ число недѣльныхъ уроковъ. Сдѣлаемъ небольшой подсчетъ: при двухъ урокахъ въ недѣлю, въ сентябрѣ можно дать 8 уроковъ, въ

[1] Одинъ отецъ такъ объяснилъ мнѣ причину опредѣленія дочери въ VIII классъ: „замужъ ей идти еще рано, на курсы я не пущу ея; чтобы не болталась дома,—пусть поучится еще годъ: пока гимназистка, вывозить въ свѣтъ мы ее не будемъ,—пусть дозрѣваетъ въ гимназіи".

октябрѣ—8, въ ноябрѣ 8, въ декабрѣ и январѣ (въ виду праздниковъ)—по 6, въ февралѣ—8, въ мартѣ и въ апрѣлѣ—12 (т. е. по 8 въ мѣсяцъ, но безъ 2 недѣль праздниковъ), итого въ году 28 учебныхъ недѣль или 56 уроковъ, при томъ условіи, если на дни уроковъ русскаго языка не выпадутъ праздники и если учитель за весь годъ не пропуститъ ни одного урока ни вслѣдствіе болѣзни, ни по другой причинѣ (напр., не будетъ призванъ въ качествѣ присяжняго засѣдателя). Этими 56 уроками надо распорядиться такъ:

1) на классныя письменныя упражненія и на разборъ возвращаемыхъ исправленныхъ классныхъ и домашнихъ работъ надо отвести уроковъ 6—8;

2) на пробные уроки ученицъ (во второмъ полугодіи) надо удѣлить уроковъ 12—15 [1].

Такимъ образомъ, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, то есть при максимальномъ числѣ часовъ и при минимальной затратѣ части ихъ на письменныя упражненія и пробные уроки, число 56 надо уменьшить на 18—23, то есть можно считать, что учебныхъ часовъ для курса грамматики и словесности останется 38—33, maximum—40 часовъ. Такое количество крайне незначительно, имѣя въ виду, что учителю, собственно говоря, надо раздѣлить преподаваніе надвое—отдать часть уроковъ на преподаваніе исторіи словесности, часть—грамматикѣ. Если принять положеніе, о которомъ подробнѣе скажу дальше, что въ VIII классѣ важнѣе пройти курсъ грамматики, чѣмъ исторіи литературы, то для послѣдней можно удѣлить уроковъ 10—12: курсъ придется вести акроаматическимъ методомъ; для прохожденія же грамматики останется 28—30 часовъ.

Можно ли пройти основательно курсъ грамматики при

---

[1] Число этихъ уроковъ колеблется въ зависимости и отъ числа спеціалистокъ и отъ степени удачи ихъ практическихъ опытовъ: обычно у меня бывало отъ 4 до 12 спеціалистокъ (рѣдко больше); если пробный урокъ сходитъ очень хорошо, часто ограничиваются однимъ пробнымъ урокомъ по спеціальности, хотя это во всѣхъ отношеніяхъ нежелательно, ибо спеціалистка должна пріобрѣсти опытъ преподаванія; неудачные и малоудачные уроки обыкновенно вызываютъ повторные уроки. Во всякомъ случаѣ, число пробныхъ уроковъ 12—15 есть минимальное.

30 урокахъ на весь годъ? Очевидно, возможность основательнаго прохожденія курса весьма сомнительна, ибо:

1) матеріалъ великъ: фонетика, морфологія и синтаксисъ;

2) въ прохожденіи курса нельзя спѣшить, такъ какъ курсъ долженъ быть усвоенъ весьма основательно, какъ основа для послѣдующей работы учительницы;

3) кромѣ усвоенія курса грамматики, ученицы, согласно требованію учебнаго плана, должны еще разучить два учебника грамматики;

4) такъ какъ, какъ сказано выше, къ VIII-му классу ученицы курсъ грамматики забываютъ и такъ какъ, съ другой стороны, теоретическій курсъ грамматики необходимо дополнять конкретными примѣрами,—то необходимо вести и практическія упражненія въ видѣ хотя бы только грамматическаго разбора, пріемы котораго будущая учительница должна усвоить основательно.

Отсюда, мнѣ кажется, можно сдѣлать только одинъ выводъ,—что для спеціальнаго курса русскаго языка безусловно необходимо увеличить количество учебныхъ часовъ, —или сдѣлать курсъ двухгодичнымъ или увеличить количество недѣльныхъ уроковъ.

Попутно отмѣчу еще одно нежелательное явленіе: при маломъ количествѣ учебнаго времени не мало работы переносится на домашнія занятія спеціалистки, которой приходится много работать внѣ класса; а между тѣмъ многія ученицы VIII класса избираютъ для спеціальнаго изученія не одинъ, а два—три предмета, а въ послѣднее время—даже четыре, при чемъ въ числѣ 3—4 предметовъ—чистописаніе, изучая которое будущая учительница затрачиваетъ сравнительно не много времени, а между тѣмъ получаетъ право давать довольно значительное число уроковъ. Нельзя винить дѣвушекъ въ томъ, что онѣ, въ погонѣ за кускомъ хлѣба, стараются обезпечить себѣ наибольшее количество возможныхъ занятій на жизненномъ пути; но, съ другой стороны, нельзя признать и особенно педагогичнымъ, когда ученица разбиваетъ свое время между нѣсколькими, часто разнородными, предметами спеціальнаго изученія (напр., русскій языкъ, математика, географія и чистописаніе) и слабо работаетъ по каждому предмету. Немногія ученицы вы-

держиваютъ чрезмѣрное напряженіе силъ, въ теченіе года отказываются то отъ той, то отъ другой спеціальности. Думается, разумнѣе было бы разрѣшать спеціальное изученіе нѣсколькихъ предметовъ только въ рѣдкихъ случаяхъ, взявъ за норму спеціальное изученіе лишь одного предмета, но при увеличенномъ количествѣ часовъ.

Переходя къ *внутреннимъ условіямъ преподаванія*, прежде всего попытаемся разобраться въ вопросѣ,—что слѣдуетъ проходить въ VIII классѣ по спеціальному курсу русскаго языка?

Здѣсь главнѣйшее затрудненіе въ неопредѣленныхъ требованіяхъ учебнаго плана; неопредѣленность эта не оправдывается указаніемъ ни на разборъ двухъ учебниковъ ни на необходимость слѣдовать какому-либо общепринятому учебнику, ибо вѣдь ясное дѣло, что всякій отдѣлъ грамматики можно изложить и догматически и съ большею научною обоснованностью; напр., формы склоненія и спряженія можно изложить какъ нѣчто зафиксированное, устойчивое, но можно изложить ихъ и въ исторической перспективѣ и путемъ сравнительнаго изученія: въ первомъ случаѣ ученица заучитъ ихъ, запомнитъ преподанный ей матеріалъ, во второмъ — она пойметъ, какъ и когда явились нынѣ существующія формы языка и какіе проявились въ нихъ законы языка. Но и при проведеніи въ преподаваніи принципа большей обоснованности, даже научности опять-таки могутъ быть извѣстныя степени этой научности, въ которыхъ преподаватель долженъ считаться не только съ тѣмъ, что онъ хотѣлъ бы дать ученицамъ, но и съ тѣмъ, что и какъ послѣднія могутъ воспринять. Мнѣ случалось, напр., слышать, и не одинъ разъ, какъ ученица, толково выясняя формы русскаго языка, на вопросъ о взаимоотношеніи русскаго и старославянскаго языка, не обинуясь, отвѣчала: „русскій языкъ вышелъ изъ славянскаго языка“: очевидно, сопоставленія формъ русскаго и церковно-славянскаго языка, которыя дѣлались преподавателемъ съ вполнѣ понятною цѣлью, привели ученицу къ ложному представленію о взаимоотношеніи этихъ языковъ. Въ виду этого, мнѣ казалось бы, что необходимо установить опредѣленныя *минимальныя* требованія программы, которыя должны быть

осуществлены преподавателемъ, предоставивъ послѣднему расширять и углублять курсъ, если для этого будутъ благопріятныя обстоятельства. Эти требованія прежде всего будутъ въ интересахъ самого преподавателя, ибо, когда визитаторы начинаютъ задавать ученицамъ вопросы, а послѣднія путаются въ отвѣтахъ, виноватымъ оказывается преподаватель, который не можетъ сослаться на то, что данный отдѣлъ не пройденъ такъ, какъ хотѣлъ бы визитаторъ; доводъ послѣдняго, что спеціалистка по русскому языку должна знать и то и другое и третье, — нельзя отпарировать ссылкою на то, что по педагогическимъ соображеніямъ нельзя пройти чего-либо: педагогическія соображенія одни у преподавателя, другія у визитатора и какъ часто въ спорѣ преподавателя съ визитаторомъ наиболѣе основательными оказываются соображенія послѣдняго! Поэтому я думаю, что регламентированная минимальная программа прежде всего нужна для самого преподавателя. Съ другой стороны, помимо указаннаго соображенія чисто-внѣшняго характера, точная программа нужна и потому, что, когда Министерство дастъ вполнѣ опредѣленное указаніе на тотъ уровень знаній, какой должно дать учительницамъ, совѣсть педагога, выполнившаго свой долгъ, будетъ спокойна; теперь же всегда остается нѣкоторая неудовлетворенность или же нѣкоторое сомнѣніе, что, можетъ быть, несмотря на всѣ усилія преподавателя, ученица еще недостаточно вооружена знаніями, необходимыми для предстоящей ей дѣятельности. Вѣдь несомнѣнно, что каждый честный педагогъ прилагаетъ усилія къ тому, чтобы оправдать цѣль своей работы — подготовить хорошую учительницу; надо же, чтобы хотя бы программа дала нѣкоторое удовлетвореніе труженику и успокоила его сознаніемъ, что онъ близко подошелъ къ осуществленію этой цѣли.

Изъ только-что сказаннаго вытекаетъ, что необходимо было бы прежде всего установить хотя бы примѣрную минимальную программу по русскому языку и примѣрныя экзаменныя требованія, дабы подготовка учительницъ не носила характера непланомѣрности и случайности.

По поводу содержанія этой минимальной программы я считаю необходимымъ высказать кое-какія соображенія.

Во-первыхъ, необходимо или дать нѣсколько лишнихъ недѣльныхъ уроковъ, дабы преподаватель могъ въ равной мѣрѣ удѣлять вниманіе и грамматикѣ и исторіи литературы, или (если это увеличеніе не возможно или осуществимо лишь въ минимальномъ видѣ) дать перевѣсъ курсу грамматики надъ курсомъ исторіи литературы: при всемъ образовательномъ значеніи послѣдней, вѣдь она все же менѣе важна для учительницъ младшихъ классовъ, чѣмъ грамматика. Если нельзя измѣнить экзаменныхъ требованій въ смыслѣ упраздненія одного изъ двухъ письменныхъ отвѣтовъ и именно письменнаго отвѣта по исторіи литературы,— я склонился бы къ тому, что курсъ исторіи литературы можно бы свести къ разбору 5—6 крупныхъ произведеній, которыя дали бы матеріалъ для экзаменнаго сочиненія. Повторяю, — это пожеланіе далеко не идеалъ, а лишь одинъ изъ возможныхъ выходовъ изъ нынѣшняго положенія; лучшимъ выходомъ все же, конечно, было бы увеличеніе числа уроковъ по русскому языку до такой нормы, чтобы и исторія литературы не была въ загонѣ [1].

Во-вторыхъ, что касается курса грамматики, то, по моему мнѣнію, необходимо было бы ввести въ этотъ курсъ элементъ большей научности, чѣмъ нынѣ. Я предвижу въ этомъ пунктѣ нѣкоторыя возможныя возраженія, и спѣшу объяснить дѣло. Такъ, мнѣ могли бы возразить, что для возможности сдѣлать курсъ болѣе научнымъ необходимо, чтобы ученицы знали языки и въ большемъ количествѣ (старославянскій, латинскій и греческій) и основательнѣе, чѣмъ нынѣ. Далѣе, я предвижу справедливое замѣчаніе, что болѣе научный курсъ есть въ то же время и болѣе трудный и что затрудненіе увеличивается какъ вслѣдствіе не-

[1] Осуществимо ли это увеличеніе по матеріальнымъ соображеніямъ, когда громадное большинство женскихъ гимназій содержится на средства частныхъ лицъ, — это вопросъ другой; думаю все же, что 200—300 р. лишнихъ не такой уже расходъ, который обременилъ бы бюджетъ любой женской гимназіи, и, во всякомъ случаѣ, расходу на такое дѣло, какъ улучшеніе подготовки преподавательницъ роднаго языка, надо отдать преимущество предъ другими (есть, напр., гимназіи, которыя ассигнуютъ 200—300 р. въ годъ на устройство бала для ученицъ).

достатка учебныхъ часовъ, такъ и вслѣдствіе того, что необходимыя для установленія новыхъ ассоціацій представленія, вынесенныя изъ элементарнаго курса грамматики, лежатъ гдѣ-то глубоко, въ воспоминаніяхъ первыхъ 3-4 классовъ и нелегко всплываютъ на поверхность сознанія.

Само собою понятно, что этихъ возраженій не было бы, если бы мы могли имѣть и для младшихъ классовъ учительницъ съ высшимъ образованіемъ. Однако, пока число такихъ учительницъ не велико, а опытныхъ среди нихъ и того меньше, — приходится все же считаться съ тѣми учительницами, которыя выходятъ изъ VIII-хъ классовъ женскихъ гимназій. Для нихъ же безусловно-научный курсъ безусловно же будетъ не по силамъ, но едва ли онъ и безусловно, безъ всякихъ оговорокъ, нуженъ: мнѣ казалось бы достаточнымъ, если бы будущая учительница усвоила то общее положеніе, что въ языкѣ дѣйствуютъ свои законы, что законы эти изъ явленій одного русскаго языка не всегда ясны и что для объясненія явленій русскаго языка почти всегда необходимо прибѣгать къ родственнымъ языкамъ; хотѣлось бы, чтобы, уразумѣвъ вышесказанное положеніе, будущая учительница усвоила также важнѣйшіе законы русскаго языка, а также пріобрѣла бы навыкъ разбираться хотя бы въ наиболѣе обычныхъ явленіяхъ фонетики, морфологіи и синтаксиса русскаго языка. Думаю, что общую мысль о закономѣрности явленій языка можно привить, пользуясь, кромѣ русскаго языка, извѣстными ученицамъ данными церковнославянскаго и даже новыхъ языковъ; усвоеніе же важнѣйшихъ законовъ русскаго языка должно произойти какъ во время теоретическихъ, такъ и особенно практическихъ занятій ученицъ русскимъ языкомъ. Конечно, это не будетъ научное (въ полномъ смыслѣ слова) усвоеніе языка, а лишь, такъ сказать, наукообразное, но и наукообразное прохожденіе грамматики все же лучше нынѣшняго — догматическаго заучиванія правилъ. Мнѣ кажется, что подобное прохожденіе курса вовсе не окажется для ученицъ непреодолимо-труднымъ, особенно если число уроковъ увеличить однимъ добавочнымъ недѣльнымъ часомъ: вѣдь какихъ-либо другихъ, кромѣ извѣстныхъ уже языковъ, изучать имъ не придется, — придется лишь припоминать то, что

извѣстно, а это при методически-разумномъ руководительствѣ со стороны учителя едва ли будетъ уже особенно трудно.

Конечно, возникнетъ вопросъ и о границахъ той наукообразности, которую необходимо провести въ курсѣ VIII класса. Мнѣ кажется, что учебникъ Е. С. Истриной[1], въ общемъ, намѣчаетъ вѣрныя границы. Хотя въ настоящее время мы имѣемъ нѣсколько весьма дѣльныхъ учебниковъ, затрогивающихъ исторію русскаго языка и діалектологію (профф. Е. Ѳ. Карскаго, С. М. Кульбакина и друг.), однако учебникъ г-жи Истриной ближе подходитъ къ тѣмъ требованіямъ, которыя намѣчены выше для VIII класса женскихъ гимназій, ибо, какъ видно изъ предисловія, составительница учебника имѣла въ виду именно интересы педагогическихъ классовъ женскихъ гимназій.

Учебникъ состоитъ изъ пяти главъ. Первая глава („Русскій языкъ и его нарѣчія“) даетъ свѣдѣнія о нарѣчіяхъ русскаго языка и о литературномъ языкѣ; вторая („Положеніе русскаго языка среди родственныхъ языковъ“) трактуетъ объ индо-европейской семьѣ языковъ и, въ частности, о славянской семьѣ, далѣе—объ изобрѣтеніи славянской азбуки и о старославянскомъ языкѣ въ его отношеніяхъ къ другимъ славянскимъ языкамъ и особенно къ русской письменности и языку. Въ третьей главѣ („Главнѣйшія звуковыя особенности древне-русскаго языка“) авторъ даетъ сравнительно историческій обзоръ фонетическихъ явленій древнерусскаго языка, а въ четвертой главѣ („Склоненіе и спряженіе“)—такой же обзоръ формъ склоненія и спряженія. Содержаніе пятой главы—„Исторія образованія нарѣчій и литературнаго языка“. Далѣе слѣдуетъ небольшая хрестоматія, заключающая въ себѣ 25 отрывковъ и двѣ карты: карту нарѣчій русскаго языка и карту славянскихъ племенъ.

Оставляя въ сторонѣ оцѣнку учебника г-жи Истриной съ научной стороны, такъ какъ по этому вопросу уже высказались вполнѣ компетентные лингвисты-спеціалисты[2], я

---

[1] „Руководство по исторіи русскаго языка съ хрестоматіей, снимками съ древнихъ рукописей и двумя картами въ краскахъ“, Петроградъ, 1915 г.

[2] См. ст. профф. Е. Ѳ. Карскаго въ Р. Ф. В., 1915 г., № 2, стр.

выскажу лишь нѣсколько замѣчаній объ учебникѣ съ педагогической точки зрѣнія.

Прежде всего, безусловнымъ достоинствомъ учебника слѣдуетъ признать именно научность его, хотя бы авторомъ и были допущены какіе-либо фактическіе недосмотры или неточности: наши учебники обыкновенно такъ далеки отъ послѣднихъ выводовъ науки и при томъ не какихъ-либо гипотетичныхъ выводовъ, а уже принятыхъ всѣми, что приходится удивляться, какъ оріентируются въ нихъ молодые педагоги, только что вышедшіе изъ университета и знающіе „послѣднія слова“ науки. Напр., въ большинствѣ учебниковъ исторіи словесности до сихъ поръ богатыри дѣлятся на старшихъ и младшихъ, до-петровская литература опредѣляется, какъ исключительно-церковная, на Поученіе Мономаха проводятся взгляды, устарѣвшіе послѣ труда Шлякова, и т. д. Та же рутина и въ учебникахъ грамматики: неточные термины, столбцы „исключеній“, сбивчивыя правила и полное отсутствіе свѣдѣній о языкѣ, какъ органическомъ цѣломъ; изъ-за деревьевъ, говорятъ, лѣса не видать, а въ учебникахъ грамматики изъ-за правилъ не увидишь и самого языка, не почувствуешь единства языка, распыленнаго на множество „правилъ“ и „исключеній изъ правилъ“. Учебникъ г-жи Истриной есть шагъ впередъ отъ этой рутины, и въ этомъ его достоинство.

Стремясь сдѣлать изложеніе болѣе научнымъ, г-жа Истрина вообще внимательно отнеслась и къ языку учебника: это не только простое и доступное изложеніе,—это и научное изложеніе въ то же время, со всею точностью, свойствен-

---

129—130, и Б. М. Ляпунова въ № 146 Од. Листка, отъ 30 мая 1915 г. а также прив. доц. П. О. Потапова въ XX томѣ Лѣтописи И.-Ф. Об-ва при И. Н. Ун. Такъ какъ научная цѣнность сообщаемыхъ въ учебникѣ свѣдѣній имѣетъ несомнѣнное значеніе для преподаванія, то знакомство этими статьями безусловно необходимо преподавателю, который будетъ пользоваться Руководствомъ г-жи Истриной, дабы, пока не выйдетъ второе изданіе, могъ внести при пользованіи книгою необходимыя поправки. Думаю, что до сихъ поръ никто не указалъ такихъ дефектовъ, которые дѣлали бы книгу непріемлемою въ школьномъ обиходѣ; наоборотъ, исправивъ нѣкоторые недочеты ея съ научной и педагогической сторонъ, пользоваться ею можно.

ною языку науки. Кто знаетъ, какъ легко относятся наши ученицы къ терминологіи и какъ онѣ путаютъ и коверкаютъ даже самые ходячіе термины[1], тотъ вполнѣ оцѣнитъ эту заботу автора о точности языка, какъ одно изъ средствъ привить эту точность и ученицамъ.

Наконецъ, надо сказать, что и общій планъ труда г-жи Истриной и намѣченныя ею рамки учебника вполнѣ цѣлесообразны, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ недочетовъ, о которыхъ скажу дальше: именно въ такихъ предѣлахъ усвоеніе важнѣйшихъ моментовъ исторіи родного языка доступно ученицамъ и цѣлесообразно, ибо языкъ вырисовывается не какъ нѣчто навседа зафиксировавшееся, а какъ комплексъ явленій, измѣнявшихся во времени и не вполнѣ тожественныхъ (въ силу условій развитія въ діалектахъ), хотя и однородныхъ и нынѣ.

Итакъ, учебникъ Е. С. Истриной имѣетъ, съ педагогической точки зрѣнія, свои достоинства и не малыя при томъ. Но въ то же время въ учебникѣ есть и педагогическіе дефекты, можетъ быть, и неизбѣжные въ первомъ опытѣ учебнаго руководства этого рода.

Такъ, крупный недочетъ учебника въ томъ, что авторъ не даетъ пропедевтическаго введенія изъ курса общаго языковѣдѣнія. Авторъ, напр., не излагаетъ общаго понятія о языкѣ (со стороны физіологической и семасіологической), объ измѣненіяхъ, происходящихъ въ языкѣ вообще и о причинахъ ихъ: правда, на стр. 13—14 бѣгло упомянуто о созданіи новыхъ словъ и объ умираніи старыхъ, однако объясненій этому явленію не дано, да этимъ однимъ явленіемъ не исчерпываются происходящія въ языкѣ измѣненія. Я думаю, что въ учебникѣ для VIII класса надлежало бы разсказать о томъ, что такое языкъ, какъ средство выраженія мыслей, выснить связь между мыслью и языкомъ, понятіемъ и словомъ, указать, какъ и почему съ теченіемъ времени иныя слова измѣняютъ свое значеніе, другія исчезаютъ, третьи появляются вновь; далѣе, слѣдовало бы дать полный

[1] Напр., постоянно сбиваются въ разграниченіи понятій „источникъ“ и „пособіе“, „дьякъ“ и „дьячокъ“; на урокахъ педагогики охотнѣе говорятъ о „мозгахъ“ человѣка, чѣмъ о „мозгѣ“, и т. д.

очеркъ физіологическихъ условій возникновенія звуковъ, дабы, напр., если на стр. 25 ученица встрѣтитъ упоминаніе о задненебныхъ согласныхъ, этотъ терминъ не поставилъ ее втупикъ, ибо авторъ не даетъ таблицы согласныхъ звуковъ, распредѣленныхъ по органамъ произношенія. Кромѣ того, я думалъ бы, что раньше, чѣмъ перейти къ изложенію исторіи русскаго языка, необходимо дать ученицѣ общее понятіе о томъ, что такое звуковой законъ, сказать о разновременности дѣйствія звуковыхъ законовъ, о томъ, что измѣненія въ языкѣ происходятъ въ силу дѣйствія опредѣленныхъ фонетическихъ законовъ и вслѣдствіе аналогіи и т. д. Наконецъ, казалось бы необходимымъ дать свѣдѣнія и объ источникахъ грамматики, какъ таковой, и о томъ, что грамматика не есть сумма произвольныхъ правилъ языка, а представляетъ собою лишь обобщеніе, выводы изъ наличнаго матеріала, зависящаго именно отъ самого матеріала.

Короче говоря, мнѣ представлялось бы безусловно необходимымъ дать небольшое пропедевтическое введеніе на подобіе хотя бы извѣстной книжки г. Алферова: „Очерки изъ жизни языка“, только, конечно, въ болѣе научномъ тонѣ, чѣмъ книжка Алферова. Дѣло въ томъ, что всѣ указанныя общія положенія о языкѣ будущая учительница безусловно должна знать, а усвоить ихъ ей неоткуда. Напрасно г-жа Истрина полагаетъ (въ Предисловіи), что ученицамъ, прошедшимъ элементарный курсъ грамматики, извѣстны „грамматическіе факты и термины“, которые поэтому и не разъясняются въ учебникѣ, какъ, напр., „фактъ дѣленія глаголовъ на глаголы I спряженія и глаголы II спряженія, термины „основа“, „суффиксъ“ и т. п.“ Во-первыхъ, если какіе-либо факты и термины ученицамъ когда-либо и были извѣстны, напомнить о нихъ вновь и при томъ въ болѣе научномъ видѣ, чѣмъ они изложены въ элементарныхъ учебникахъ (гдѣ, напр., обычно очень безтолково излагается ученіе объ основахъ именъ существительныхъ и объ основаніяхъ для дѣленія ихъ на склоненія),—было бы очень полезно. Во-вторыхъ, „грамматическими фактами и терминами“ далеко не исчерпывается содержаніе общаго лингвистическаго введенія. Наконецъ, въ младшихъ классахъ, въ виду малаго развитія ученицъ, вообще едва ли можно разсчитывать на

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

большее, чѣмъ механическое усвоеніе, въ VIII же классѣ можно дѣло и углубить; напр., ученица I—III класса можетъ запомнить классификацію согласныхъ по разрядамъ и даже термины отдѣльныхъ классовъ; понять же основанія этой классификаціи можетъ только та ученица, которая ознакомилась къ физіологическими условіями произношенія звуковъ,—и, конечно, ученицу младшихъ классовъ едва ли можно вводить въ изученіе физіологіи органовъ рѣчи: придется подождать, пока она пройдетъ въ курсѣ естественной исторіи отдѣлъ анатоміи и физіологіи человѣка (въ V классѣ) и только впослѣдствіи, въ VIII классѣ, познанія ученицы въ этомъ вопросѣ можно будетъ утилизировать, выяснивъ ей, какъ появляются звуки нашей рѣчи.

Отъ того, чего нѣтъ въ книгѣ Е. С. Истриной, обратимся къ тому, что въ ней есть и чего могъ бы пожелать педагогъ.

Мнѣ кажется, что не слѣдовало бы автору во многихъ мѣстахъ учебника дѣлать изложеніе необычайно-краткимъ въ ущербъ полнотѣ и даже ясности содержаніе. Дѣло здѣсь идетъ главнымъ образомъ о V главѣ, которую самъ авторъ въ Предисловіи считаетъ „болѣе серьезною по изложенію“; а если эта глава и важна и серьезна, то прямо-таки непонятна та краткость, которую авторъ внесъ въ свой обзоръ исторіи русскаго литературнаго языка, особенно на стр. 80—83, гдѣ рѣчь идетъ о судьбѣ литературнаго языка въ XVIII и XIX вв. Въ самомъ дѣлѣ, Тредьяковскому отведено всего 9 строкъ, изъ которыхъ, прямо скажу, никакого путнаго представленія о значеніи Тредьяковскаго въ исторіи нашего литературнаго языка ученицы не вынесутъ, ибо сообщенное авторомъ о Тредьяковскомъ и не полно и крайне, до неясности, кратко. Ломоносову отведено 10 строкъ, которыя выписываю цѣликомъ:

> „Ломоносовъ (1711—1765 г.) своими теоретическими сочиненіями по языку и своими поэтическими произведеніями много способствовалъ упорядоченію и развитію русскаго литературнаго языка. Этому помогало природное пониманіе Ломоносовымъ явленій языка и отличное знаніе языка народнаго. Ограничивъ правилами употребленіе церковно-славянизмовъ, оставленныхъ для „высокаго штиля“, Ломоносовъ вносилъ въ свои произведенія немало элементовъ народной рѣчи, въ томъ числѣ родного ему Архангельскаго говора. Но за это его не разъ осуждалъ другой его современникъ— Сумароковъ“. (Стр. 80—81).

И только! Я бы сказалъ, что подобная краткость прямо оскорбительна для памяти великаго Ломоносова, что *такъ* излагать столь важные предметы, какъ заслуги Ломоносова въ области русскаго языка, не слѣдуетъ,—но я предвижу то возраженіе, какое могъ бы представить авторъ: о Ломоносовѣ проходятъ въ VI классѣ гимназіи и потому о дѣятельности его достаточно лишь напомнить ученицамъ. Но и это единственное оправданіе автора я считаю крайне несостоятельнымъ, ибо надо не быть педагогомъ, чтобы не знать, *какъ* проходятъ въ VI классѣ главу о Ломоносовѣ: при трехъ урокахъ въ недѣлю преподаватель долженъ пройти за одинъ годъ въ VI классѣ курсъ народной поэзіи и исторію русской литературы отъ начала ея до Карамзина; развѣ можно тутъ много времени удѣлить Ломоносову? Развѣ можно, напр., разсказать много о грамматикѣ его, которая даже въ программу не вошла? Ясное дѣло, что все это придется отложить до VIII класса, гдѣ учебникъ предложитъ 10 строкъ о Ломоносовѣ. Но даже если бы въ VI классѣ и очень подробно проходили курсъ, избавляетъ ли это обстоятельство автора *спеціальнаго* руководства по исторіи языка во главѣ, спеціально посвященной исторіи русскаго литературнаго языка, главѣ, по признанію самого автора, особенно серьезной,—отъ обязанности разсказать подробно о дѣятельности Ломоносова въ области русскаго языка? Думаю,—нисколько не избавляетъ, и г-жа Истрина много погрѣшила въ томъ, что такъ сократила въ своемъ учебникѣ столь важный отдѣлъ.

Послѣ краткаго упоминанія о Тредьяковскомъ и о Ломоносовѣ авторъ продолжаетъ: „Такъ шла борьба съ сильнымъ церковно-славянскимъ вліяніемъ, борьба закончившаяся лишь въ первой четверти XIX вѣка“. (стр. 81). Думаю, что эти слова останутся загадкою для ученицъ, ибо изъ предыдущихъ строкъ вовсе не видно, о какой борьбѣ идетъ рѣчь и въ чемъ она проявилась.

О Карамзинѣ авторъ говоритъ подробнѣе, но причинъ борьбы между сторонниками стараго и новаго слога не указываетъ; наоборотъ, вопросъ изложенъ такъ, что у ученицъ даже можетъ возникнуть несовсѣмъ вѣрное понятіе о причинахъ спора. Въ самомъ дѣлѣ, г-жа Истрина пишетъ:

„Противъ этихъ новшествъ Карамзина сильно возставалъ писатель и государственный дѣятель Шишковъ, приверженецъ церковно-славянскаго вліянія. „Кто бы подумалъ, говорилъ Шишковъ, что мы, оставя сіе многими вѣками утвержденное основаніе языка своего (т. е. церковно-славянскій языкъ), начали вновь созидать оный на скудномъ основаніи французскаго языка". (Стр. 81—82).

Возможно, что кто-либо изъ ученицъ впадетъ въ недоумѣніе: вѣдь Шишковъ стоялъ за старину, за родное прошлое, за родную стихію церковно-славянскаго языка;—а развѣ это плохо? Почему же побѣда осталась не за нимъ, а за приверженцами иностранщины? Такое недоумѣніе будетъ имѣть основаніе, ибо составительница учебника не изложила причинъ борьбы карамзинистовъ и шишковистовъ, несмотря на то, что эти причины—и литературныя и общественно-политическія—представляютъ громадный интересъ: вѣдь не потому Шишковъ вооружался противъ новшествъ, что они брались отъ французовъ, а потому, что за этими новшествами ему грезился призракъ революціи и уже не литературной только; не потому и Карамзинъ сталъ вводить новыя слова, что лично для него не было подходящихъ уже существовавшихъ русскихъ, а потому, что тогда начались новыя литературныя теченія, которыя выдвинули на очередь вопросъ о реформѣ литературнаго языка. Ссылка на то, что̀ проходилось въ курсѣ исторіи литературы по вопросу о судьбѣ литературнаго языка, и въ этомъ пунктѣ дѣлу не поможетъ. Повторяю,—именно въ такомъ учебникѣ, какъ учебникъ г жи Истриной, должно быть мѣсто подробному изложенію исторіи русскаго литературнаго языка, именно здѣсь она можетъ быть изложена и систематически и полно, въ предыдущихъ же классахъ этого вопроса приходится касаться лишь попутно, мимоходомъ, что̀, конечно, не даетъ цѣльнаго впечатлѣнія. Можно пожалѣть, что авторъ такъ кратко излагаетъ столь важный вопросъ, что и послѣ выхода „Руководства" г-жи Истриной имѣетъ еще право жить и не сходить со сцены старая книжка Воскресенскаго о языкѣ важнѣйшихъ произведеній русской литературы отъ XI до XIX вѣка: тамъ, правда, тоже нѣтъ связной исторіи языка, но есть по крайней мѣрѣ богатый и систематизированный матеріалъ, пользуясь которымъ, преподаватель можетъ дать достаточно-полную картину развитія нашего литературнаго языка.

Чтобы покончить съ вопросомъ о краткости изложенія, укажу лишь на то, что сказано на стр. 89 о реформѣ орѳографіи:

„Послѣ Ломоносова работа по приведенію въ порядокъ русскаго правописанія продолжалась. Послѣднимъ крупнымъ трудомъ былъ трудъ академика Я. К. Грота: „Русское правописаніе“ (1885 г.). Современное правописаніе, за очень немногими исключеніями, согласуется съ правилами Грота. Но, рядомъ съ этимъ, въ настоящее время поднятъ вопросъ объ упрощеніи русскаго правописанія а) въ смыслѣ уничтоженія нѣкоторыхъ правилъ, не имѣющихъ серьезнаго основанія, но затрудняющихъ обученіе письму, и б) въ смыслѣ нѣкотораго приближенія къ живому произношенію; для точной же передачи живого произношенія потребовалась бы очень сложная система письма, которая употребляется лишь для научныхъ цѣлей“.

Если бы я былъ мало-мальски любознательною ученицею, я по поводу этихъ строкъ спросилъ бы своего учителя о слѣдующемъ: кто послѣ Ломоносова реформировалъ наше правописаніе? Въ чемъ состояла реформа Грота, т. е. какіе главные принципы его реформы и главныя измѣненія созданныя ею? Почему реформа Грота проведена сравнительно недавно, а теперь опять возникла надобность въ упрощеніи орѳографіи? Что это за правила, не имѣющія серьезнаго основанія, но затрудняющія обученіе письму? Что это за „сложная система письма“ и нельзя ли будущей учительницѣ хоть однимъ глазкомъ взглянуть на эту систему, чтобы знать, какъ пишутъ ученые люди? Но, такъ какъ я не ученица, а учитель, то я скажу иначе: вся процитированная замѣтка о реформѣ орѳографіи и не ясна (вслѣдствіе своей краткости) и не нужна, ибо едва ли ученицы изъ нея поймутъ суть орѳографической реформы, да едва ли имъ и нужно знать, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ была сдѣлана неудачная попытка изуродовать русскую орѳографію и всѣхъ грамотныхъ заставить писать такъ, какъ пишутъ неграмотные, и что затѣмъ, когда убѣдились, что это дѣло нелегкое и что вмѣсто реформы орѳографіи цѣлесообразнѣе улучшать пріемы преподаванія орѳографіи, оставлена была эта праздная затѣя, хотя, подобно Крыловской синицѣ, „шуму сдѣлали довольно“. Кстати скажу, что, если желать точности, то г-жа Истрина могла бы сказать, что вопросъ объ упрощеніи орѳографіи поднятъ не „въ настоящее время“,

а чуть ли не лѣтъ 12 тому назадъ и что все это время неустанно „работаютъ“ подкомиссіи какихъ-то коммиссій: можетъ быть, это навело бы учениць на мысль, что реформа орѳографіи дѣло нелегкое, если надъ ней такъ много приходится работать...

Если признать, что наглядность преподаванія—одно изъ основныхъ педагогическихъ требованій, предъявляемыхъ ко всякому учебнику, то учебникъ г-жи Истриной имѣетъ погрѣшности и въ этомъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ, уже вышеописанная краткость изложенія нарушаетъ принципъ наглядности:—что изложено кратко, то не можетъ быть конкретнымъ, наглядным. Но особенно этотъ недостатокъ наглядности чувствуется въ хрестоматіи. Казалось бы, что при сжатости изложенія учебника, особенно V главы, количество и подборъ примѣровъ въ хрестоматіи должны восполнить то, что опущено въ текстѣ учебника. Однако это далеко не такъ на дѣлѣ, и, наоборотъ, количество образцовъ приходится признать крайне недостаточнымъ; такъ, напр., для языка XV, XVI и XVII вв. дано всего по одному примѣру, въ 10—12 строкъ каждый. Конечно, судить по этимъ примѣрамъ о языкѣ той или иной эпохи невозможно. Если г-жа Истрина въ качествѣ образца языка XVI вѣка предлагаетъ $7^1/_2$ строкъ изъ Домостроя, то вѣдь языкъ Домостроя мало имѣетъ сходства съ языкомъ Стоглава и совсѣмъ не имѣетъ сходства съ языкомъ Курбскаго или Артемія. Равнымъ образомъ и языкъ „Разрядныхъ записей за Смутное время“, выдаваемый авторомъ учебника за типичный образецъ языка XVII вѣка, мало похожъ на языкъ переводныхъ или оригинальныхъ повѣстей XVII вѣка и особенно такихъ полународныхъ, какъ повѣсть о Ершѣ. Вообще не дано образцовъ языка переводной литературы Московской Руси, несмотря на то, что, напр., языкъ переводныхъ повѣстей представляетъ много весьма любопытныхъ явленій; нѣтъ образцовъ языка повѣстей Петровской эпохи и языка романовъ XVIII вѣка, хотя и здѣсь интереснаго много: чего стоятъ, напр., однѣ попытки приспособить русскій языкъ къ аріямъ нѣжнаго тона (въ повѣсти объ Александрѣ, кавалерѣ Россійскомъ). Нѣтъ образцовъ языка южнорусской схоластики и ея московскихъ послѣдователей; нѣтъ образцовъ языка лож-

неклассической эпохи (по штилямъ Ломоносова, хотя нашлись бы образцы для каждаго штиля); нѣтъ образцовъ языка и Екатерининской эпохи (кромѣ „Бѣдной Лизы“), хотя и тамъ нашлись бы интереснѣйшія попытки сочетать народный языкъ съ книжнымъ—въ пору такъ называемыхъ раннихъ романтическихъ вѣяній и въ эпоху поддѣлки подъ народность. Не нашлось мѣста въ хрестоматіи и для стилизованнаго языка Исторіи Государства Россійскаго, и для языка „Бориса Годунова“, и для дивнаго языка Тургенева; обойденъ, наконецъ, и совсѣмъ незаслуженно обойденъ и дорогой дѣдушка Крыловъ, который былъ русскимъ тогда, когда иностранщина возведена была въ идеалъ: въ учебникѣ исторіи русскаго литературнаго языка о Крыловѣ даже не упомянуто!

Ясно, конечно, что данныхъ въ хрестоматіи образцовъ слишкомъ мало для того, чтобы составить мало-мальски ясное представленіе о развитіи русскаго литературнаго языка; скажу болѣе: хрестоматія не оправдываетъ и тѣхъ указаній, которыя даны въ текстѣ учебника; вѣдь, если въ текстѣ есть упоминанія о языкѣ Ѳеофана Прокоповича (стр. 79), Тредьяковскаго (стр. 80), Сумарокова (стр. 81), Шишкова (стр. 81-82), Жуковскаго (стр. 82), Гоголя, Лермонтова, Тургенева, Гончарова, Толстого (стр. 84), то эти упоминанія должны же быть подкрѣплены и соотвѣтствующими примѣрами и при томъ не по 7-8 строкъ, а такихъ размѣровъ, чтобы можно было судить достаточно основательно о языкѣ того или иного писателя. Слѣдовало бы, не полагаясь на то, что ученицы что-то учили и что-то читали въ предыдущихъ классахъ[1], подобрать дѣйствительно типичные образцы, дабы указанія учебника не остались голословными; а разъ этого нѣтъ,—страдаетъ принципъ наглядности.

Хотѣлось бы также видѣть въ учебникѣ бо́льшую согласованность изложенія: на стр. 15 авторъ исчисляетъ безъ особеннаго порядка языки земного шара, не упоминая о другихъ семьяхъ языковъ, кромѣ индоевропейской, какъ будто это отдѣльные языки; а между тѣмъ на картѣ нарѣчій ука-

[1] Да и не все учили, напр., языкъ Тургенева, Гончарова и Толстого въ курсѣ 7 классовъ не затрогивался.

заны и угрофинская и уралоалтайская и семитская семьи. Любознательная ученица станетъ втупикъ предъ этимъ новымъ для нея открытіемъ, о которомъ въ текстѣ нѣтъ упоминанія. То же и въ § 28 (стр. 45—46): вездѣ наряду со старославянскимъ склоненіемъ даны образцы и русскаго, а по отношенію къ основамъ на согласный звукъ даны образцы только старославянскаго склоненія, какъ будто ихъ въ русскомъ не было вовсе.

Наконецъ, совершенно непедагогична и необъяснима манера автора печатать названія падежей, чиселъ, временъ и т. п. съ большой буквы: на каждомъ шагу рѣжутъ взоръ такія написанія, какъ: „Настоящее время," „Единственное число," „Родительный падежъ" и друг. Рѣшительно не понимаю, зачѣмъ понадобилась автору эта нѣмецкая манера: у насъ, слава Богу, есть своя орѳографія, къ которой мы пріучаемъ дѣтей въ теченіе всего гимназическаго курса вовсе не для того, чтобы въ VIII классѣ усвоенныя правила о томъ, когда писать прописныя буквы, пошли на смарку. Къ тому же и здѣсь странная непослѣдовательность: г-жа Истрина пишетъ: „Московскій говоръ," „Славянское племя", „Велико-русское нарѣчіе" и т. п., но „русскій языкъ" всегда только со строчной (малой) буквы. Почему это?!

Таковы педагогическіе дефекты учебника, дефекты, правда, не уничтожающіе, но и не малые. Надо признать, что вообще дефекты неизбѣжны въ такомъ трудномъ и совершенно новомъ дѣлѣ, какъ составленіе спеціальнаго учебника по курсу русскаго языка для VIII класса. Съ одной стороны, неопредѣленность программы стѣсняетъ составителя учебника: жаль не дать того матеріала, который составителю кажется и нужнымъ и важнымъ, но не хотѣлось бы дать и такое обиліе матеріала, при которомъ для прохожденія курса по книгѣ не хватитъ времени. Отсюда—неизбѣжныя затрудненія въ выборѣ матеріала, которыя г-жа Истрина разрѣшила въ сторону излишняго сокращенія его количественно, а не въ сторону увеличенія. Съ другой стороны, надо помнить, что всякій хорошій учебникъ—все равно, для высшей ли или для средней школы—возникаетъ только изъ опыта. Я не знаю, преподавала ли когда-либо г-жа Истрина или преподаетъ ли гдѣ-либо въ VIII классѣ женской гимназіи,

но, если бы мнѣ сказали, что она никогда въ VIII классѣ не преподавала, я этому повѣрилъ бы охотно и совсѣмъ не повѣрилъ бы, если бы мнѣ сказали, что г-жа Истрина въ VIII классѣ преподавала и создала свой учебникъ на основаніи личнаго педагогическаго опыта. Вѣдь опытъ и одинъ только опытъ можетъ указать составителю учебника и обычный уровень развитія ученицъ VIII класса и тѣ части курса, которыя легче усваиваются, и болѣе трудныя[1] и, наконецъ, тѣ способы объясненія, которые нужно примѣнить для того, чтобы учащіеся лучше усвоили курсъ. Вотъ этого-то общаго педагогическаго опыта въ книгѣ г-жи Истриной я не чувствую...

Во всякомъ случаѣ, нельзя не привѣтствовать идею, вызвавшую къ жизни этотъ учебникъ—стремленіе внести въ курсъ русскаго языка въ VIII классѣ побольше научности. Можно пожелать, чтобы отмѣченные выше дефекты учебника г-жи Истриной во второмъ изданіи книги были исправлены, дабы книгою можно было удобнѣе пользоваться. Можно высказать даже пожеланіе, чтобы по стопамъ г-жи Истриной пошелъ бы кто-либо изъ нашихъ лучшихъ педагоговъ и составилъ бы дѣльный учебникъ русскаго языка для VIII класса женскихъ гимназій, но чтобы это былъ именно педагогъ, а не ученый лингвистъ, къ какимъ принадлежитъ г-жа Истрина: знакомый съ исторіей русскаго языка педагогъ лучше, чѣмъ ученый лингвистъ, учтетъ и количество и ка-

[1] Чтобы показать, какъ необходимы для преподаванія показанія опыта, я приведу аналогичный примѣръ: когда, лѣтъ 10 тому назадъ, я взялся за преподаваніе педагогики, проф. А. П. Казанскій, одинъ изъ опытныхъ одесскихъ преподавателей, далъ мнѣ совѣтъ: „побольше времени приберегите для логики (т. е. для отдѣла педагогики, гдѣ рѣчь идетъ о представленіяхъ, понятіяхъ, сужденіяхъ и умозаключеніяхъ)“. Дѣйствительно, я убѣдился, что А. П. былъ глубоко правъ и что этотъ отдѣлъ, занимающій седьмую или восьмую часть учебника (стр. 18—20), приходится медленно проходить въ теченіе цѣлой (третьей) четверти учебнаго года, т. е. не меньше 2 мѣсяцевъ, тогда какъ въ другихъ отдѣлахъ усвоеніе идетъ легко и быстро: настолько трудно дается этотъ отдѣлъ ученицамъ; ученики, наоборотъ, одолѣваютъ эту „логику“ безъ большого труда. Но вѣдь подобное знаніе нуждъ преподаванія дается только опытомъ, а не отвлеченными соображеніями, на которыхъ теперь строятъ учебники по исторіи русскаго языка.

чество того матеріала, который можно дать ученицамъ VIII класса и ту долю современныхъ научныхъ выводовъ, которую можно внести въ учебникъ. Въ послѣднее время нашу среднюю школу часто дарятъ своими учебниками профессоры, особенно лингвисты-спеціалисты; вызвано это явленіе тѣми планами, которые были намѣчены въ проэктѣ новой программы по русскому языку для мужскихъ гимназій въ 1912 г. Программа не введена въ жизнь до сего времени, а учебники остались и, хотя въ большей части ихъ педагогическая сторона не безъ упрека, однако въ отношеніи научности они едва ли погрѣшаютъ; мнѣ извѣстно много случаевъ, когда, не вводя оффиціально, преподаватели довольно широко пользуются этими учебниками, оживляя затхлую атмосферу рутинной школьной грамматики. Можетъ быть, впослѣдствіи явится педагогъ, который создастъ и вполнѣ приспособленную для дѣтскаго пониманія и не сходящую съ научной почвы грамматику, и, можетъ быть, такая грамматика окажется болѣе подходящею для школъ, чѣмъ профессорскія. Но профессорскія грамматики уже свое дѣло сдѣлали: уже показали, что курсъ грамматики можно поставить въ средней школѣ, если не научно, то наукообразно, и указали, что̀ именно и можно и должно внести въ этотъ курсъ. Нѣчто̀ подобное можно сказать и о книгѣ г-жи Истриной: этотъ учебникъ показалъ, какъ слѣдуетъ поставить курсъ русскаго языка въ VIII классѣ женскихъ гимназій, дабы избѣгнуть рутиннаго заучиванія двухъ учебниковъ или, по крайней мѣрѣ, дополнить его новымъ, свѣжимъ матеріаломъ, безусловно пригоднымъ для спеціалистокъ, будущихъ учительницъ русскаго языка.

Можно ли ввести учебникъ г-жи Истриной въ школу теперь же или слѣдуетъ выждать переработки его?

Я лично думаю, что учебникъ можно ввести въ школу и теперь. Правда, преподавателю придется многое вводить самостоятельно, (напр., пропедевтическое введеніе), многое дополнять (напр., образцы развитія литературнаго языка), а кое-что и сокращать (особенно изъ матеріала сравненій съ старославянскимъ языкомъ); придется, несомнѣнно, принять и указанія Е. Ѳ. Карскаго и П. О. Потапова относительно недочетовъ научной стороны учебника и, соотвѣт-

ственно этимъ указаніямъ, вносить при преподаваніи исправленія. Словомъ, можно ввести учебникъ въ практику школы, но съ исправленіями, которыя не должны насъ отталкизать отъ учебника: вѣдь не то же ли самое мы дѣлаемъ и теперь? Вѣдь каждый изъ насъ, преподавателей VIII класса, и теперь частью вырабатываетъ курсъ исторіи языка самъ, а частью измѣняетъ и дополняетъ какой-либо школьный учебникъ, напр., Смирновскаго. Если учебникъ Смирновскаго замѣнить болѣе научнымъ учебникомъ г-жи Истриной, и мы и ученицы не проиграемъ, а выиграемъ: намъ легче будетъ вести преподаваніе и меньше придется самостоятельно вырабатывать курсъ, ученицы же получатъ болѣе серьезныя и болѣе научныя знанія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможность болѣе отчетливаго пониманія явленій языка.

Не странно ли, что учебникъ г-жи Истриной вызвалъ уже 4 статьи (г. г. Карскаго, Ляпунова, Потапова и мою) о себѣ и что обсужденію его были посвящены цѣликомъ два засѣданія Педагогическаго Отдѣла Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ? Не удивлюсь, если еще появится нѣсколько отзывовъ объ этомъ учебникѣ, ибо онъ того заслуживаетъ: это первая попытка заполнить тотъ пробѣлъ, который уже много лѣтъ чувствуется въ подготовкѣ нашихъ учительницъ русскаго языка, и мы должны быть благодарны автору, что учебникъ его ставитъ на очередь вопросъ о курсѣ русскаго языка въ VIII классѣ женскихъ гимназій и предлагаетъ достаточно-удовлетворительное рѣшеніе этого вопроса, одного изъ больныхъ вопросовъ курса VIII класса.

Высказанныя выше соображенія о постановкѣ спеціальнаго курса русскаго языка въ VIII классѣ женскихъ гимназій, мнѣ кажется, могутъ быть сведены къ слѣдующимъ выводамъ.

I. Нынѣшнія условія преподаванія въ VIII классѣ не даютъ полной возможности дать будущимъ учительницамъ русскаго языка хорошую подготовку.

II. Для улучшенія подготовки учительницъ русскаго языка надо:

а) увеличить количество учебнаго времени, или

сдѣлавъ курсъ двухгодичнымъ или прибавивъ нѣкоторое количество недѣльныхъ уроковъ;

б) сократить возможность спеціальнаго изученія одною ученицею нѣсколькихъ (часто разнородныхъ) предметовъ;

в) установить примѣрную программу и опредѣленныя экзаменныя требованія по русскому языку;

г) дать въ курсѣ VIII класса перевѣсъ занятіямъ грамматикой надъ изученіемъ исторіи литературы или поставить послѣднюю въ такое положеніе, чтобы въ интересахъ ея не урѣзывалось время, необходимое для прохожденія грамматики;

д) внести въ курсъ граматики элементъ научности, хотя бы въ размѣрахъ учебника Е. С. Истриной, но въ видѣ болѣе приспособленномъ къ развитію и пониманію ученицъ.

Петроградъ, 9 іюня 1915 г.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА